

Курс Отт,

*доктор философии, к.геогр.н., профессор
профессор-эмеритус*

Тартусского университета

ott.kurs@ut.ee

О путях развития и укрепления позиций национального языка

Аннотация. В статье рассматриваются развитие и современный статус коми-пермяцкого литературного языка, показываются основы языкового планирования на примере эстонского языка, затем анализируется языковое строительство в современных условиях.

Ключевые слова: языковое планирование, языковое строительство, финно-угорские языки, старые и новые литературные языки, коми-пермяцкий язык, эстонский язык.

Ott Kurs,

*PhD, Professor-emeritus
of University of Tartu*

ott.kurs@ut.ee

About the ways of development and strengthening of the national language

Summary. The article discusses the development and current status of the Komi-Permian literary language, shows the basics of language planning on the example of the Estonian language, and then analyzes the language construction in modern conditions.

Key words: language planning, language construction, Finno-Ugric languages, old and new literary languages, Komi-Permian language, Estonian language.

1. О развитии и современном статусе коми-пермяцкого литературного языка

Коми-пермяцкий – один из младописьменных языков России. Разработка коми-пермяцкой письменности проходила несколько этапов.

До Революции 1917 года литература (отдельные издания) печатались на разных диалектах коми – на вычегодском, сысольском, удорском, ижемском, иньвенском и косинско-камском диалектах. В вопросах графики и орфографии не было чётких правил, отсутствовало единообразие в письме, лексика письменного языка и терминология не были упорядочены.

В послереволюционный период стали развивать литературный общекоми язык на основе присыктывкарского говора сысольского диалекта. Для этого был принят алфавит, предложенный коми учёным В. А. Молодцовым (*Сандро Вась*, 1886–1940). Был принят курс на обогащение литературного языка на основе всех остальных коми диалектов [1, с.22]. В 1921 г. в Сыктывкаре (Усть-Сысольске) издаётся букварь коми, а в Кудымкаре открываются двухгодичные курсы педагогов [2]. В марте 1923 г. в Кудымкаре состоялся первый съезд культурных сил Иньвенского края. Там же был и дополнен молодцовский алфавит отсутствующими в коми (и вообще в пермских языках) буквами *ф*, *х*, *ц*, *щ* [3]. Так началось создание коми-пермяцкого литературного языка. Цель такого мероприятия – развитие культуры той части коми, которая не была включена в состав автономной области Коми в 1921 г. В августе 1923 г. на конференции литературных работников в Сыктывкаре попытались еще раз создать единый литературный язык коми. Но этому не суждено было сбыться [2].

Образование Коми-Пермяцкого округа в феврале 1925 г. дало окончательный толчок для развития коми-пермяцкого как самостоятельного литературного языка. В округе началась комизация школы – в 60 % школ первой ступени обучение шло на родном языке, удельный вес учителей коми поднялся до 54 % [2].

Таким образом, коми-пермяцкий оказался одним из новых литературных языков страны. Ввиду политической концепции того времени, что центром мировой революции станет Западная Европа, считали целесообразным перевести литературные языки невесточнославянских народов на основу латинизированного алфавита. Так, к 1933 г. из 72 новых литературных языков 64 пользовались латинской графикой [4]. Среди них был и коми-пермяцкий язык. К концу 1930-х гг., в связи с изменением политической концепции, латинизация письменности была отменена. В Коми-Пермяцком округе этот алфавит просуществовал до августа 1938 г. [2]. С принятием в 1938 г. Закона «Об обяза-

тельном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» началось время массового перевода национальных школ на русский язык обучения. Так, национальная школа стала утрачивать свои черты и превратилась по существу в русскую школу. Снижился престиж языка коми и к нему стали относиться как к языку второго сорта. Такое отношение к родному языку стало проникать и в сознание самих коми-пермяков [5]. Число предметов, преподававшихся в школе на родном языке, всё время сокращалось, пока остались только родной язык и родная литература.¹

За последние десятилетия советского периода коми-пермяцкий язык был доведён до уровня бытового. Все остальные сферы – общественно-политическая жизнь, делопроизводство, преподавание в учебных заведениях, наука, культура, средства массовой коммуникации, межнациональные и международные отношения – развивались только на русском языке [6]. Выросли поколения, слабо владеющие родным языком. Такая языковая политика вызвала усиленную ассимиляцию, особенно в послевоенные годы. Так, за 30 лет, с 1959 по 1989 гг., коми-пермяки из-за ассимиляции потерпели утраты в размере 30 тыс. чел. По демографическим расчётам, при отсутствии ассимиляции перепись 1989 г. вместо 152 тыс. могла быть 180–200 тыс. общего количества коми-пермяков [7].

За последние годы, в связи с изменением государственной политики России к национальным меньшинствам, языковое положение коми-пермяков улучшилось. Ныне люди уже осмеливаются разговаривать на родном языке вне домашних стен – на работе и на улице. В целях дальнейшего развития национального языка следует провести языковое планирование и языковое строительство.

2. Основы языкового планирования (на примере эстонского языка)

В прошлом поддерживалось мнение, что преднамеренные направления и изменения в языке невозможны. Этот взгляд был связан с общим положением, что индивидуальные инициативы и влияние ру-

¹ Автор настоящей статьи объездил летом 1961 г. все районы (кроме Юсьвинского) Коми-Пермяцкою округа и беседовал с работниками районо. В то время в семилетних школах ещё все предметы преподавали на родном языке. Для этого были выпущены оригинальные и переводные учебники на коми-пермяцком языке.

ководящих лиц не могут изменить ход социальных явлений. Однако в действительности имеются многие силы, способные изменить обычаи и развитие общества, в т. ч. и языка. Такими силами являются – подражающий инстинкт (*imitiative instinct*), авторитет, престиж, пропаганда и, наконец, сила [8, с.22].

Основные функции языка в обществе – информационное, интеллектуальное, эстетическое, научное и религиозное обслуживание. В течение первой половины XX века развивались определённые принципы и методы языкового планирования (ЯП) [8, с.29–44]. Идеальным языком считается тот, который при минимуме значений слов (*by the minimum of means*) достигает максимальные результаты (*attains the maximum of means*). Так выделены принципы ясности, экономичности и эстетичности, которые применяются в целях прикладного ЯП.

В рамках ЯП решаются также проблемы морфологии, синтаксиса и, в частности, лексикологии, поскольку последняя является основой как общей коммуникации, так и языка разных специальностей и стиля. В рациональном ЯП происхождение слов не имеет значения и национальный пуризм является уже пройденным этапом. Чтобы способствовать коммуникации между соседними народами, рекомендуется пользоваться заимствованными из родственных языков словами. Так поступали многие европейские народы, в т. ч. Скандинавского и Балтийского регионов. В эстонском языке много слов и терминов, заимствованных из финского языка.

Если слова неродного происхождения трудно произносить, то следует их адаптировать или заменить неологизмами. Наиболее часто используемые слова должны быть короткими и меткими. Таким образом, принцип интернациональности часто противоположен принципу экономичности. Основные источники неологизмов – диалектные слова. Из них можно конструировать и абстрактные слова. Что касается конкретных терминов, то их можно получить также из диалектизмов, после их частичной переработки. В эстонских диалектах было распространено слово *raskejalgne* (с тяжёлой ногой, т. е. беременная), от которого образовалось слово *rased*. Ныне это слово используется и в медицине, и в ежедневной речи.

Для образования новых слов пользуются методами комбинации, трансформации и конструкции. Наиболее известный комбинатор новых слов – эстонский языковед И. Аавик. Метод комбинации довольно

трудоёмкий. Например, для получения слова *veenma* (убеждать) он выписывал 297 вариантов, из которых выбирал наиболее звучное и экономичное слово. Для получения коротких и звучных слов принимается метод трансформации. При этом новые слова образуются из слов неродного происхождения. В эстонском языке такими словами являются *embama* (< фр. *embrasser* ‘обнимать’), *evima* (< англ. *have* ‘иметь, обладать’), *ese* (< фин. *esine* ‘вещь, предмет’), *jallis* (< фр. *jaloux* ‘ревнивый’), *laip* (< нем. *Leib, Leiche* ‘труп’), *laup* (< русс. к. *лоб*), *huutma* (< англ. *to exclude* ‘исключить’), *lünk* (< нем. *Lücke*, греч. *lacuna* ‘пробел’), *peirima* (< греч. *empeiria* ‘испытывать’), *siiras* (< фр. *sincère* ‘искренный’), *sulnis* (< фин. *suloinen* ‘прелестный, увлекательный’), *taunima* (< фр. *condamner*, фин. *tuomita* ‘осуждать’), *uje* (< фин. *ujo* ‘застенчивый’), и др. Все эти слова образованы Й. Аавиком. Метод конструкции известен во многих языках. При этом новое слово образуется из некоторых уже существующих слов. В русском языке такими словами являются комсомол, профсоюз, колхоз) и др., в английском – *hit* (< *binary digit*), *smog* (< *smoke + fog*), *smust* (< *smoke + dust*), *sneet* (< *snow + sleet*), *squarson* (< *squire + parson*), *weth* (< *with + breath*) и т. д.

Потребность в ЯП разная в разных языках. Как правило, старые литературные языки не нуждаются в ЯП. Началом ЯП считают языковые реформы XVIII и XIX вв. в Венгрии. Прекрасным примером ЯП является создание нового литературного языка в Норвегии. С конца XIV века в Норвегии распространялся датский литературный язык. В первой половине XIX в. началась борьба против засилия датского языка, а с середины XIX в. – борьба между двумя формами литературных норвежских языков – *риксмолом* (или *букмолом*), который образовался в XIX в. на основе датской лексики и грамматики, по норвежской фонетике, и *лансмолом* (*нюнорск* или *новонорвежский язык*), который возник в середине XIX века в результате искусственного синтеза норвежских диалектов. Автором лансмола был лингвист Ивар Осен (*Ivar Aasen*, 1813–1896).

До 1870-х гг. не было общего эстонского литературного языка, так как с XVI в. существовали северо- и южноэстонский литературные языки. Первый возник на основе таллинских, второй – тартуских диалектов. Во второй половине XIX в. начинается образование и унификация общеэстонского национального языка. Большие заслуги в развитии и обогащении литературного языка имели Йоханнес Аавик

(*Johannes Aavik*, 1880–1973) и Йоханнес Вольдемар Вески (*Johannes Voldemar Veski*, 1873–1968).²

Й. Аавик начал свою радикальную деятельность в 1912 г. Он выделил принципы целесообразности, красоты и самобытности языка. В дальнейшем в его деятельности в области ЯП преобладал принцип красоты (эстетики). В 1912–1924 гг. он также внедрил в эстонском языке около тысячи слов финского происхождения, в т. ч. такие, как *aare* ‘сокровище’, *hetk* ‘мгновение’, *julm* ‘жестокий’, *levima* ‘распространяться’, *siirduma* ‘направляться’ [9]. По Й. Аавику язык – это средство, или орудие, требующее непрерывного совершенствования. Владея, кроме эстонского, немецким, русским, французским, латинским, финским, английским и шведским языками, он пришел к выводу, что эстонский язык несовершенен. По историческим причинам эстонский язык в течение многих столетий остался языком простых людей, проживающих в условиях нищеты и угнетения, и поэтому в языке много беззвучных и даже грубых слов. В условиях, когда народ стал бороться за свое место среди культурных народов, по Й. Аавику, красивые формы должны заменить уродливые [10]. Следует напомнить, что Й. Аавик начал свою активную деятельность в области ЯП еще в то время, когда эстонские земли были разделены между несколькими губерниями и у эстонского народа не было никакой автономии. Его научное наследство подробно изучено и представлено в мировых лингвистических изданиях эстонским языковедом Валтером Таули (*Valter Tauli*, 1907–1986).

Другой крупный языковед – Й. В. Вески – разрабатывал, вместе с другими учеными и специалистами, тысячи терминов. Он опирался при этом на эстонские диалекты [11]. В своих трудах, написанных в 1900–1914 гг., Й. В. Вески рекомендовал сохранить в эстонской фонетической системе хорошо приспособленные заимствованные слова. Он подчеркнул важность диалектных слов в образовании новых терминов [11, с.5–40]. Но ему не были чужды и методы деривации и создания искусственных слов. Кстати, в эстонском языке не было специального слова для пихты, так как это дерево в лесах Эстонии не растёт. По инициативе Й. В. Вески нужное слово заимствовали из марийского языка (*нулго*). Так, в эстонском языке нашло своё место новое слово *nulg*.

Совершенствованием эстонского языка и созданием новых слов

² Более подробно о них см. 15 и 16.

стали снова заниматься в 1960-е гг. В конце советского периода вышли из печати словари забытых и новых слов [12, 13, 14].

Таким образом, ЯП – это научное и целенаправленное влияние развития языка не только государством и общественными организациями, но и частными лицами.

3. Языковое строительство в современных условиях

Языковое строительство (ЯС) – это практическое осуществление языковой политики. В первой части нашей статьи отмечено, что после неудачной попытки унификации литературных языков национальных меньшинств России на основе латинской графики, письменности были переведены на русской графике. Но в основу нормирования языков были положены разные орфографические, фонологические и морфологические принципы. Даже генетически близкородственные языки различались по собственным вариантам. Такое положение затрудняет сравнение языковых данных [17].

Другой особенностью ЯС национальных меньшинств России является то обстоятельство, что не учитывалась в достаточной мере диалектная база языков. Так и для финно-угорских народов литературные языки были созданы обычно на одном диалекте. Поскольку языковая политика является составной частью общегосударственной политики, нетрудно видеть в этом попытку ослабления малых народов и создания условий для включения их в общесоветскую народность. Язык – самый важный признак этноса. Поэтому нужен соединяющий всех членов этноса сильный литературный язык. Чтобы он мог быть сильным, в нём должны быть охвачены в какой-то мере все диалекты. Национальному языку надо быть гибким и терпеть диалектную вариацию на всех уровнях. Вся лексика диалектов должна быть усвоена литературным языком. Важнейшей предпосылкой такого литературного языка является активное обучение родного языка в школе и распространение сферы употребления родного языка в общественной и культурной жизни. Литературный язык должен стать повседневным для всех членов языкового общества [18].

После более чем полувекового периода нажима, для финно-угорских и других коренных народов России наступила опять возможность ЯС. В отличие от 1920-х и 1930-х гг., сейчас народы могут сами, без строгих указаний сверху, проводить ЯС. Но это не значит, что каждый

народ должен решать свои языковые проблемы изолированно. Особое внимание следовало бы обратить на опыт родственных народов. Как известно, коми и удмуртский языки входят в пермскую ветвь финно-угорских языков. Эти языки близки к угорским языкам и, кроме того, имеют довольно тесные исторические контакты (в частности, коми-зырянские диалекты) с прибалтийско-финской ветвью финно-угорских языков. Так как из угорских языков венгерский и из прибалтийско-финских языков финский и эстонский имеют довольно давние литературные традиции, думается, что опыт их ЯС пригодится и пермским языкам, в т. ч. коми-пермяцкому литературному языку.

Хотя создание коми-пермяцкого как отдельного литературного языка следовало из тогдашней политической обстановки, нельзя отрицать его роль в развитии самосознания коми-пермяков. Литературный язык в своей основе имеет кудымкарский говор иньвенского наречия.³ До 1927 г. книги печатались и на косинско-камском наречии. Потом из этого наречия в литературный язык была введена только умеренная л-овая орфография. Это – фонетическое явление, выражающееся в чередовании звуков л–в.

Что касается словарного состава литературного языка, то в нем мало слов диалектного происхождения, но зато он переполнен непосредственными и неприспособленными к фонетической системе коми заимствованиями из русского языка. В словарях⁴ местами такие слова превалируют над родными словами. Весьма странно видеть такие слова и словосочетания, как *берег, год, дружной, звезда, каша, природа, родной кыв, русло* и др. Для всех этих базовых слов находят соответствия в диалектах, а также в произведениях писателей 1920-х и 1930-х гг. Для обогащения базового словарного состава следовало бы выяснить такие слова и опубликовать в окружной газете «Парма». Там же можно открыть и рубрику о родном языке. На страницах газеты имеется возможность организовать призывы к читателям для сбора диалектных слов и выражений. В целях развития эстонского языка пользовались таким методом и сто лет тому назад, и в 1972 г., когда Общество родного языка (*Emakeele Selts*) объявило конкурс для получения новых слов. Так

³ В иньвенском наречии довольно много руссизмов, так как это наречие оказалось в течение последних столетий в окружении русского языка.

⁴ Статья написана в 1995 г. У автора имелись под рукой словари коми-пермяцкого [19, 20].

получили свои слова для обозначения баранки, вермишеля, кодоскопа, лапши, майки, маркетинга, пончика, почтового индекса, пропуска, смога, сочника, трусов и др.

Чтобы охватить более широкий круг людей в целях ЯС, целесообразно организовать Общество родного языка – *Чужсан кылын чукор*. Членами и корреспондентами общества могут быть писатели, преподаватели разных школ и училищ, студенты, школьники, редакторы газет и журналов, работники науки, культуры и администрации, а также просто любители родного языка. Возможно, было бы полезно опубликовать базовый словарь родственных языков. Нами составлен проект базового коми–коми-пермяцко–удмуртско–венгерско–финско–эстонского словаря. Думается, что такой словарь полезен для студентов и учащихся. В этом словаре имеются пробелы в коми-пермяцкой части, но эти пробелы можно заполнить при помощи диалектизмов, заимствований из близкородственных языков, или путем калькирования из других родственных языков (см. таблицу).

В этом примере всего 19 слов, притом 10 из них отличаются в некоторой степени в коми и коми-пермяцком литературных языках. В двух случаях можно найти соответствие в косинско-камском наречии (*зеп, кодзув*), а в шести случаях – в коми-пермяцком литературном языке соответствий нет. Думается, пробелы можно заполнить заимствованиями из литературного языка коми (*вөр-ва, ёртасьом, йи, меж, рок, сикт*).

Пример шестязычного базового словаря

коми	коми-п.	удм.	венг.	фин.	эст.
аски	ашпын	чуказе	holnap	huomenna	homme
вок	вон	вын	fivér	veli	vend, veli
войвыв	ойвыв	уй	észak	pohjoinen	põhi
войтыр	отир	калык	nép	kansa	rahvas
вөр-ва	вөр-ва	инкуазь	természet	luonto	loodus
гожом	гожум	гужем	nyár	kesä, suvi	suvi
ёртасьом	ёртасьом	энтьяськон	barátság	ystävyyt	sõprus
зеп	зеп	кисы	zseb	tasku	tasku
йи	йи	йо	jég	jää	jää
керка	керку	корка	ház	talo	maja

кодзув	кодзув	кизили	czillag	tähti	täht
кос	кос	кос	száraz	kuiva	kuiv
меж	меж	така	kos	pässi	päss
ош	ошка	ош	bika	härkä	härg
пызь	пизь	пызь	liszt	jauhe	jahu
рок	рок	жук	kása	puuro	puder
сикт	сикт	черко гурт	falu	kylä	küla
ыджыд	ыджыт	бадзымгес	nagy	suuri	suur
юква	черива	чорыг лым	halleves	kalakeitto	kalaleem

Большую роль в повышении знаний о родном крае играли у многих финно-угорских народов календари на родном языке. Значение таких календарей с увлекательным содержанием в прошлом было огромное, так как люди получали новые знания и эмоции именно через чтение на родном языке. Но надобность в таких календарях сохранилась и на дальнейших этапах развития национальных языков. Отметим, что такие календари публикуются в Эстонии и по сей день.

Мы поддерживаем ту точку зрения, что в нынешних условиях следует проводить обогащение словарного состава литературного языка. Одновременно с этим нужно приступить к расширению сферы национального языка. В этой работе большую роль могут играть пресса, радиовещание и личные примеры руководящих сил округа. Думается, что весьма положительную роль в этом сыграли бы легализация и восстановление национальных географических названий, например таких как *Балякок, Буджём, Ваты, Гайна, Гёрдин, Гёнёш, Дойёг, Дёйкар, Дёршор, Дублень, Ельёв, Йёг, Йёгва* и др. Коренных жителей ободрили бы национальные названия на вывесках, дорожных указателях и географических картах. Если найдутся ресурсы, мы можем подготовить карту округа на коми языке в Тарту. Следующий этап – собственное ЯП – со всеми рассматриваемыми нами выше принципами, начался бы после завершения первого этапа ЯС.

Библиографический список

1. Цыпанов Е. А. Коми кыв. – Сыктывкар: «Коми книжное издательство», 1992 – 287 с.
2. Моисеевских Ю. А. Исторический путь и основные направления разви-

тия коми-пермяцкой национальной школы // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 164–173.

3. Бачев Г. Т. История развития родного языка, письменности и просвещения коми-пермяцкого народа // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 77–81.

4. Smimov, S. 1979, Nõukogude sotsiolingvistika päevaprobleemid // Keel ja Kirjandus – Tallinn, 1979 – С. 407–414

5. Галкина М. Е. О некоторых проблемах развития коми-пермяцкой национальной школы // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе – Кудымкар, 1993 – С. 153–155.

6. Smimov, S., Dulitsenko, A. Tegelikult keelepoliitika põhijooni Nõukogude Liidus // Keel ja Kirjandus – Tallinn, 1982 – С. 623–632.

7. Лалугукка С. Ассимиляция и численное развитие коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир – Сыктывкар, 1995 – С. 122–124.

8. Tauli, V. Introduction to a Theory of Language Planning – Uppsala: Uppsala universitet, 1968 – 227 с.

9. Tauli, V. Johannes Aavik's Language Reform 1912–1962 // Estonian Poetry and Language, Stockholm, 1965. – С. 106–124.

10. Tauli, V. Free Construction in Estonian Language Reform // Language Planning and the Building of a National Language – The Philippines, 1977 – С. 188–217.

11. Veski, J. V. Keelelisi töid – Tallinn: «Eesti Riiklik Kirjastus», 1958 – 317 с.

12. Erelt, T. Väike uudissõnastik – Tallinn: «Valgus», 1983 – 64 с.

13. Erelt, T., Kull, R., Meriste, H. Uudis- ja unarsõnu – Tallinn: «Valgus», 1985 – 152 с.

14. Erelt, T. Väike uudissõnastik – Tallinn: «Valgus», 1989 – 79 с.

15. Üheksa aastakümnet. Pühendusteos Johannes Aavikule [Девять десятилетий. Посвящение Йоханнесу Аавику. Составители Хельги Вихма и Карл Михкла] – Tallinn: „Valgus”, 1971 – 379 с.

16. Veski, J. V. Mälestuste raamat [Книга воспоминаний] – Tallinn: „Eesti Raamat”, 1974 – 313 с.

17. Фезнкер В. Место коми-пермяцкого языка в пермской группе финно-угорских языков // Коми-пермяки и финно-угорский мир – Сыктывкар, 1995 – С. 73–74.

18. Сааринен С. Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков // Комипермяки и финно-угорский мир – Сыктывкар, 1995 – С. 74–75.

19. Коми-пермяцкой орфографической словарь – Пермь: «Пермской книжной издательство», 1966 – 257 с.

20. Коми-пермяцко–русской, русско–коми-пермяцкой словарь – Кудымкар: «Коми-пермяцкой книжной издательство» 1993 – 288 с.